

КРИС КЕННЕДИ

В сетях
страсти

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К35

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kris Kennedy

DECEPTION

Перевод с английского С.А. Горячевой, Т.А. Перцевой

Компьютерный дизайн С.П. Озеровой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Barog International, Inc. и Nova Littera SIA.

Кеннеди, Крис.

К35 В сетях страсти : роман / Крис Кеннеди ; [пер. с англ. С. А. Горячевой, Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-088694-4

Прекрасная молодая вдова София Дарнли тихо жила в маленьком городке, — но теперь ей грозит смертельная опасность, ибо тайные недоброжелатели объявили охоту за бумагами ее покойного отца — продажного судьи, имевшего привычку записывать имена всех, кто платил ему за сокрытие их преступлений.

Единственный, кто может спасти Софию, — это Кир, бесстрашный вор, готовый на все ради нее. Но можно ли доверять мужчине, уже однажды предавшему?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Kris Kennedy, 2012

© Перевод. С.А. Горячева, 2015

© Перевод. Т.А. Перцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-088694-4

Пролог

Трабзон, 1289

Пламя неистовствовало; его голубовато-розовые языки, пробираясь сквозь стены, лизали и поглощали все, что оказывалось на их пути, — сундуки с шелком и специями, ларь, забитый документами... и лежавшего на полу человека.

Со стороны дверного проема доносились мужские голоса:

— Расписки у тебя?!

— Да-да!..

— А его мы оставим здесь?

— Он все равно обречен на смерть, — слышалось после недолгого молчания. — А ты, если хочешь, оставайся здесь и гори. Что же до меня, то я еду к Козимо.

Через несколько мгновений раздался стук копыт — его едва можно было слышать за бешеным воем пожара.

Лежавший на полу человек внезапно открыл глаза. Увидев бушевавшее вокруг пламя, он шевельнулся, а затем поднялся на ноги — поднялся как раз в тот момент, когда с потолка упала первая горящая балка.

Глава 1

*Ласт-Феллз, Англия, 1294,
несколько лет спустя.*

Итак, наконец дошло и до этого.

Но София Дарнли знала: так и должно было случиться рано или поздно. Это было столь же неизбежно, как половодье весной или солонина зимой. Увы, она погружалась все глубже и глубже в мир порока — и лишь вопрос времени, когда она погрязнет в этом окончательно...

Не было ничего постыдного в том, чтобы совершить ошибку, или даже в том, чтобы повторить одну и ту же ошибку дважды из-за собственной опрометчивости или глупости. Никто и никогда не назвал бы ее поведение смелым или честолюбивым, поскольку она была женщиной и, следовательно, занимала в мыслях людей то же место, что и другие явления, приводившие в замешательство и внушавшие страх, — например, блуждающие звезды или кораблекрушения, неизменно поглощавшие чей-либо товар.

Но нет, ничто из перечисленного не составляло для нее проблемы.

А вот когда ты торопишься по вымощенным булыжником улицам богатого портового городка Ласт-Феллз в контору одного из самых уважаемых менял во всей Англии, чтобы украсть (нет, возратить, на-

помнила себе София) толстый гроссбух, который мог привести к падению многих могущественных людей в королевстве, — вот тогда у тебя поневоле зарождается подозрение, что жизнь среди преступного мира не совсем то, чего тебе хотелось бы. И эта мысль отрезвляла.

Поскольку ее уже предостерегали и поскольку сама София твердо решила, что это дело не должно было повлечь за собой новое убийство... В общем, ей оставалось только одно — прибегнуть к хитрости.

К счастью, хитрости Софии было не занимать. Во всяком случае когда-то так было.

Что же касается ее нынешнего дела...

«Ваше имя здесь никому не известно, но о предприятиях, на которые Вы по неразумию ссылаетесь, этого, к несчастью, не скажешь, — сообщалось в коротком послании менялы Томаса. — Но я не стану обращать на это внимание, поэтому отвечаю: войти в мое предприятие можно исключительно по рекомендации Леди Шелк, а порог мой переступают лишь те, кому позволено его переступить. И мне трудно представить, что это может относиться к Вам, — продолжал он с откровенным вызовом. — Мой мир опасен и не слишком благосклонен к разного рода заговорам. Лучше возвращайтесь к своему положению вдовы и своей торговле шелком. И больше со мной не связывайтесь».

«А может, это послание вовсе не вызов», — спрашивала себя София.

Впрочем, это не имело значения. Ведь она уже почти добралась до нужного ей места. Или... может, еще не поздно уйти?

Нет-нет. Ведь когда соседи сообщают тебе, что какие-то мужчины объявились в твое отсутствие у твоих дверей с оружием в руках... да еще задают вопросы, которые задавать не следовало бы, — тогда ты понимаешь, что время пришло. А когда твой шелковый склад сжигают дотла, пригвоздив к ближайшему дереву записку с угрозами — записку, которую ты читаешь сквозь пепельные клубы дыма, поднимающиеся струйками в небо от склада, — что ж, тогда ты понимаешь, что настала пора вооружиться.

Но главное сейчас — гроссбух.

...Конечно, здравомыслящая женщина на ее месте посмотрела бы в лицо правде и, возможно, даже увидела бы во всем этом свою выгоду, однако же...

А что, может, просто отдать им гроссбух — и все?

Нет-нет, ни за что! Впрочем, она, возможно, и отдала бы, так как была и здравомыслящей, и рассудительной, и практичной, но к несчастью, она сейчас была охвачена гневом.

Мысль о том, что ее лишили средств к существованию, — эта мысль прямо-таки ужасала и сводила с ума. Проклятье, эти люди, грабившие и отнимавшие чужое имущество, эти стервятники в роскошных одеждах, эти негодяи, облаченные в парчу, — они были хуже, чем моровое поветрие. Люди, подобные ее отцу...

Ей следовало найти какое-нибудь средство защитить себя, иначе...

Итак — гроссбух!

София остановилась, оправила тунику и осмотрелась. Наверное, самое время дать меняле Томасу понять, что она не из тех женщин, с которыми можно шутить, к которым можно относиться пренебрежительно — и отбрасывать их в сторону словно дере-

вянную ложку, после того как ею размешали жаркое. Ему следовало согласиться на встречу с ней с самого начала, — а ведь она, между прочим, писала ему трижды. Так что можно было почти с уверенностью утверждать: он сам был виноват в том, что дело дошло до этого.

София ступила на мост, на котором располагалась его лавка, и едва заметив у дверей часового, изобразила заметную, нет, сразу бросающуюся в глаза хромоту.

Подойдя поближе, она наткнулась на часового, после чего откинула с лица непокорную прядь волос и взглянула на воина с робкой улыбкой — как бы извиняясь. Тот заморгал и уставился на нее в изумлении. После чего улыбнулся в ответ.

Глава 2

Первое, что увидел Кир, была ее изящная шея — глядя вниз из окошка над лестницей, он почти ничего больше не мог разглядеть.

Эта женщина стояла спиной к нему, о чем-то тихо беседуя с часовым. Однако на какое-то мгновение она чуть приподняла покрывало со своих густых, забранных в сетку волос, обнажив при этом бледную шею — на редкость изящную и красивую. О, бесспорно, уже одно это должно было послужить ему предостережением — трубным гласом, сигналом тревоги, оповещающим о грядущей битве. Но прошло слишком много времени, слишком много воспоминаний осталось в прошлом и к тому же... Ведь речь шла всего лишь о шее!

Кир находился наверху, когда услышал какой-то шум. Склонившись над очередным открытым сун-

дуком, он перебирал лежавшие в нем гроссбухи, быстро просматривал их, а затем снова убирал на место, надеясь отыскать в другом сундуке нужную ему книгу — отыскать до того, как появится меняла Томас; вряд ли тому пришлось бы по вкусу, что он, Кир, рылся в его вещах.

Да и всем прочим менялам это не пришлось бы по вкусу. Хотя... Томас во многом отличался от своих собратьев по ремеслу; он был как бы князем купцов, не являясь при этом ни князем, ни купцом. А вот кем он действительно являлся, так это настоящим мастером по части обращения с деньгами; он точно знал, у кого имелись деньги, кто в них нуждался и как свести этих людей на условиях, наиболее выгодных для него, Томаса. Короли, принцы, графы, рыцари, купцы — именно меняла Томас вкладывал капиталы в их рискованные предприятия и зарабатывал на этом. Ну... может, не всегда, но очень часто.

Но Кира все это нисколько не интересовало; он хотел лишь одного — иметь доступ к сведениям, которыми располагал Томас; он хотел знать тех людей, которые предпочитали действовать в тени и которым нравилось коллекционировать разные разности — драгоценные камни, редчайшие шелка, красивых женщин, разорившихся принцев или же погрязших в долгах королей. Эти люди питали лишь ничтожную долю верности своим сюзеренам и исполняли обеты при помощи не мечей, но звонкой монеты и заемных писем, благодаря которым деньги легко перемещались от жарких песков Палестины до туманных холмов Йорка. То была целостная картина, настоящая грамматическая структура, язык которой был един и понятен всем, а назывался он «власть».

И действительно, должники становились весьма выгодным капиталовложением — уж Кир-то об этом знал.

Он как раз закончил обыскивать очередной сундук и аккуратно закрыл его украшенную резьбой крышку, когда вдруг услышал голоса. Кир насторожился и приподнял голову. Что это?.. Для уличных торговцев слишком рано, и даже мальчишки-водоносы вряд ли могли появиться в такой час.

Быстро и бесшумно он скользнул к окну, коснулся ладонью ставен и посмотрел вниз.

Часовой Томаса стоял у двери — на том же самом месте, что и час назад, когда Кир только прибыл сюда. А рядом с ним была та самая женщина с изящным изгибом шеи. Но все, что он мог сейчас увидеть — это тонкая женская ручка, прикрытая светлым богатым на вид плащом, — ручка, явно указывавшая на что-то. А перед женщиной стоял охранник с шишковатым носом; глупо ухмылялся и кивал в ответ на ее слова. И было ясно, что она отвлекала часового от его прямых обязанностей, причем делала это с большим изяществом и выдумкой — не то что он, Кир. Сам-то он просто затеял драку, а когда поднялась суматоха, подобрал ключ к замку и проскользнул внутрь.

— Ах да, «Горлышко жаворонка!» — воскликнул часовой, явно гордившийся знакомством с этой жуткой харчевней, располагавшейся чуть дальше по дороге. — Превосходное заведение, где...

«Превосходное для пиратов», — подумал Кир. Он бросил последний взгляд на макушку женщины — насколько он мог судить, у нее была прелестная головка, — а затем вернулся к сундукам; ему еще предстояло найти гроссбух.

Спустя несколько мгновений тишина сделалась оглушительной — голоса умолкли.

Кир запер последний сундук (он так и не нашел гроссбух ни в одном из них) и, движимый любопытством, снова подкрался к окну. Приоткрыв ставни, выглянул наружу.

Часовой куда-то исчез. А женщина осталась. Подавшись вперед, она присела на корточки перед замочной скважиной и засунула туда булавку.

Кир с удивлением таращился на нее. Что же это такое?

Не может же быть, чтобы сразу двое пытались проникнуть в контору менялы Томаса в один и тот же день? А впрочем... Ведь он же проник...

В этот момент женщина приподняла голову, и на одно короткое мгновение ее лицо осветили лучи рассветного солнца. И в тот же миг Киру показалось, будто кто-то с силой ударил его кулаком в грудь. Отпрянув от окна, он затаил дыхание. Это была она! И следовательно, приближалась битва.

Стиснув зубы, Кир направился к лестнице.

Глава 3

Стараясь не привлекать к себе внимания, София проникла в полутемную комнату и тотчас же захлопнула за собой дверь.

Жар сразу ударил ей в лицо; в разгар лета эта комната, закрытая на всю ночь, напоминала только что вырытую раскаленную солнцем могилу. Она заметила столбики пыли, поднимавшиеся от устилавших пол стеблей тростника. В дальнем конце комнаты располагался длинный стол; к стенам же были при-

двинуты скамьи, уставленные сумками и тюками с товаром. А в одном из углов притаилась дверь — она словно пыталась остаться незамеченной. Очевидно, то была лестница, ведущая на верхние этажи.

Единственное окно, забранное ставнями, прорезало дальнюю стену, и бледные лучи рассвета едва проникали внутрь. Узкие полоски света падали на край стола и на огромные сундуки, прятавшиеся под ним. И казалось, что в затхлом воздухе витало звонкое слово «деньги»!

Пенни и полпенни, а также денье, сольди и золотые флорины, то есть монеты всех могущественных империй — Англии, Франции, Италии, Флоренции...

София сделала шаг в сторону сундуков. Они были массивные и тяжелые, с резными крышками, обитыми железом, и с крупными затейливыми висячими замками — по два на каждом.

При виде замков она в изумлении замерла. Два? Всего по два замка на сундук? Едва ли этого достаточно. Да и какой здравомыслящий человек станет закрывать свои сундуки на два замка, когда в них — такие несметные богатства?!

Богатство, разумеется, заключалось не только в звонкой монете, но и в вещах, главным образом в гроссбухе судьи Дарнли; в нем содержался полный отчет обо всех незаконных сделках, в которые был вовлечен ее отец, а также имелись сведения о многих других богатых и влиятельных мошенниках. Причем в гроссбухе было записано абсолютно все, со всеми мельчайшими подробностями (то есть можно было узнать детали всех мошеннических сделок). И счета, свидетельствовавшие о самых тяжких преступлениях, хранились в одном из этих сундуков — в том, на котором имелась тройная железная обивка (София

тотчас же его узнала — когда-то он принадлежал ее отцу).

Затаив дыхание, она подкралась к сундуку и, опустившись на колени, вынула булавку из волос.

Она почти тотчас же открыла все замки, а затем, отодвинув в сторону мешочки с деньгами и драгоценными камнями, запустила руку поглубже и ухватила давно знакомый ей на ощупь пухлый гроссбух, хранивший множество ужасных тайн. Еще мгновение ушло на то, чтобы закрыть и запереть крышку сундука, подняться на ноги и повернуться к двери.

Внезапно она почувствовала чей-то пронзительный взгляд, нацеленный прямо на нее словно смертоносная стрела. «Беда!» — промелькнуло у нее. И в тот же миг раздался голос:

— Напрасно ты все это затеяла.

Глава 4

Этот тихий и мрачный голос прозвучал всего в нескольких футах от нее, и София медленно обернулась. «Мрачный, пожалуй, не вполне подходящее слово, — подумала она. — Скорее угрожающий».

В полумраке было трудно что-либо разглядеть, кроме очертаний мужской фигуры. Этот человек неподвижно сидел за столом, скрестив на животе руки и вытянув перед собой ноги в башмаках. Волосы же были перехвачены лентой и заплетены в косичку, а с бедра свисал меч.

Человек властный и решительный, с некоторой сдержанностью в манерах, внушавших, однако же, не столько чувство безопасности, сколько ощущение, будто тебя преследует хищник, готовый ждать, — вот кто сидел сейчас перед ней с улыбкой на губах.

София отступила на шаг. Ноги у нее ослабели, но гроссбух по-прежнему был прижат к груди, а пальцы сжимали булавку — жалкое, но все же оружие.

— Вы, сэръ... Кто вы такой и что вы тут делаете, прячась в тени? — пробормотала она.

— Ты уверена, что это лучший способ начать нашу беседу?

У незнакомца был низкий и гулкий голос — так, наверное, звучал бы голос волка, если бы волки умели говорить. София еще сделала шаг назад — и прижалась спиной к стене.

— Прошу прощения, сэръ. Я испугалась. А вы... Кто вы такой?

В ответ — молчание.

— Я не предполагала, что здесь кто-то есть, — продолжала София. — Я думала... думала, что пришла слишком рано.

— Так и есть, — послышалось в ответ.

— Да, конечно, но я... — Она окинула взглядом погруженную в полумрак комнату. — Мы оба пришли слишком рано.

— Ну да, — отозвался он рыкающим голосом хищника. — Только я пробрался сюда первый.

София насторожилась. Слова этого человека могли быть просто замечанием, но могли быть и угрозой. И вообще, кто он такой и как объяснить его поведение? Может, он отчаянный головорез?

Собравшись с духом, София заявила:

— Грабить меня бесполезно. У меня все равно ничего нет.

Незнакомец усмехнулся и проговорил:

— Благодарю за сообщение.

И тут словно что-то щелкнуло у нее в голове, совсем как тот замок на сундуке, который она только

что открывала. Конечно, пока еще ничего не проявилось, однако забрезжила какая-то догадка...

София скользнула вдоль стены, пытаясь пробраться к двери на случай, если незнакомец и впрямь окажется головорезом.

— У меня дело к Томасу, — пробормотала она. Вернее к его сундукам.

— А я-то думал, ты явилась сюда, чтобы кое-что украсть.

— Я не собираюсь ничего красть.

Украсть — это взять то, что не принадлежало тебе по праву, и у Софии никогда не было намерений совершить столь ужасный поступок. Однако меняла Томас мог смотреть на дело иначе. А равно и король Эдуард*.

Глаза, смотревшие на нее из темноты, внезапно вспыхнули, и незнакомец проговорил:

— Да, конечно, ты просто отвлекаешь внимание часовых и открываешь булавкой замки.

София бросила взгляд сначала на дверь, затем на сундук.

— Это... это не в моих правилах. Обычно я не вскрываю чужие замки.

— И тем не менее у тебя это превосходно получается, — заметил ее странный собеседник.

София почувствовала, что его мрачный взгляд переместился на дверь у нее за плечом — он как бы оценивал расстояние, которое ей придется преодолеть, чтобы добраться до нее.

— Уж не хотите ли вы напасть на меня? — яростно прошептала София.

* Эдуард I Длинноногий (1239—1307) — король Англии в 1272—1307 гг. (Прим. перев.)

В ответ — молчание. Но затем все же послышался голос:

— А ты бы закричала?

— Да.

— Тогда не нападу. — Длинные ноги говорившего торчали из полумрака. Вид у него был вполне непринужденный, однако это нисколько не успокаивало, скорее наоборот. — И что же заставило тебя опуститься до преступления? — задал он очередной вопрос.

— А вас? — прошептала молодая женщина.

— Ты ошибаешься. Я не преступник?

София в ответ фыркнула, словно выражая недоверие.

А ее собеседник улыбнулся — она заметила ослепительную вспышку белых зубов на погруженном в полумрак лице.

И тут Софию снова охватило странное чувство; ей казалось, что она знала этого человека.

А он вдруг поднялся на ноги и проговорил:

— Так вот, девочка, давай вести себя тихо.

И в тот же миг дверь ее памяти внезапно распахнулась — и на Софию нахлынули образы прошлого, нахлынули столь внезапно, что у нее перехватило дыхание. Она непроизвольно шагнула в сторону этого мужчины и шепотом произнесла:

— Вы Кир?..

Да-да, конечно же, это был Кир. Такой мужчина, как он, — один в целом свете. И именно он пять лет тому назад осторожно и очень умело извлек сердце из ее груди, вывалял его в грязи — и выбросил. После чего тотчас же скрылся, исчез столь внезапно и драматически, как и появился, бросив Софию на произвол ее преступного отца и его сообщников.